

В последней трети XVIII века зарождавшееся гигиеническое направление стало обращать внимание на новые признаки ухудшения здоровья населения и сокращения жизни. С этих пор здоровое и чистое тело, а также вычищенное и проветриваемое помещение стали частью кодексов хорошего семейного поведения. Презрение к отбросам и чувство стыда при виде грязи все больше и больше одерживают верх над прославлением грязи как основы плодородия и терапии (эта тема, например, часто предлагалась на литературных и художественных конкурсах). Аббат Бертолон предложил возложить труды по очистке улиц на нищих. Пьер Шове рассматривал возможность привлечь для этого бедных, увечных и стариков, каковые таким образом восполнят если не полностью, то частично расходы общества на их содержание. Лавуазье советовал раздавать нуждающимся метлы и оставлять им в пользование тележку, запряженную ослом или лошастью, чтобы они очищали город от мусора и свозили его в места складирования.

Социальные реформаторы надеялись в один прием освободиться и от нечистот, и от бродяг. «Ох, если бы лопата мусорщика могла бы в единый короб отправить все те грязью пропитанные души, от коих гниет общество, и вывезти их подальше от города, какое бы это было счастливое приобретение и какую бы выгоду извлекли из сего блюстители порядка!» — писал Пьер Шове в «Опыте об очищении Парижа». В своих проектах они брали пример с других европейских городов. В Брюгге мусор убирали старики: муниципалитет предоставлял тележки тем, у кого не было средств их

приобрести. В Берне очисткой больших дорог занимались каторжники. «Каждое утро они влекли по улицам большие четырехколесные телеги, будучи прикованы к их дышлам, — пишет об этом Мерсье. — На более длинных и тонких цепочках у телег шли осужденные женщины. [...] Половина их подметала улицу, другая сгребала нечистоты и отправляла их в телегу».

Как и большинство городов, Париж в конце концов доверил сбор селянам, которых очень устраивали городские отходы, или предпринимателям, имевшим в своем распоряжении запряженные лошадьми одноколки, возчиков и приданных им в помощь «подбирал». Нечистоты отгружались в обширные выгребные ямы. В некоторых кварталах разрешения на уборку улиц и дворов выдавались с открытых торгов. К армии из ста двадцати телег эвакуаторов грязи прибавлялись тележки окрестных крестьян, которые увозили часть отбросов, считая их превосходным удобрением. Ежедневный сбор отходов был налажен только в общественных местах, посещаемых множеством людей. В прочих он производился с интервалами от двух дней до месяца.

Собиратели грязи заполняли короба своих одноколок деревянными лопатами, сплошь и рядом обрызгивая прохожих. Мерсье писал: «Они перевозят короба, полные черноватой жидкости [...], та постоянно подтекает, и через щели повозка отдает мелкими частями то, что в нее загрузили разом. Лопата, метла, веник, человек и его экипаж — все одного оттенка, и можно бы сказать, что они жаждут окрасить в тот же цвет каждого, кто проходит мимо [...]; вот вы доверчиво огибаете неподвижное колесо, но тут через телегу пролетает шмат отбросов и падает прямо вам на голову».

Правительственные предписания, как правило, не могли поколебать наплевательское отношение горожан. Королевские декреты об оздоровлении городской обстановки оказывались не более чем благими мечтаниями. В 1782 году врач Жак Ипполит Ронес заметил, что «немало эдиктов, приказов, ордонансов касаются

подметания улиц было выпущено в свет за три последних века, однако никогда закон не исполнялся столь нерадиво». А Луи-Себастьян Мерсье сожалеет, что парижане так эгоистичны: выходит, они еще недостаточно погрязли в отбросах, чтобы реагировать: «Буржуа опасается самомалейшего налога, ибо по опыту знает, что со временем он распухает и округляется, а потому намерен вовсе не платить. Можно, конечно, ожидать, пока упрямец по уши погрузится в смрадную жижу, тогда он поднимет крик. Тут уж он подчинится добровольно, станет сам вносить плату за подметальщиков, каковые, сдается мне, совершенно необходимы».

Дети мечтают повзрослеть и строят воображаемые миры, в которых подражают профессиям взрослых, их занятиям во времена мира и войны. Если малышам не хватает фабричных игрушек, они весьма изобретательно копируют окружающие их предметы, используя простейшие материалы и приемы. Многие игры, в которых участвуют остатки и обломки повседневных вещей, не претерпели изменений за многие века. Трудно представить, из какой древности пришли к нам тележки из деревянных плашек и колесиков или тряпичные куколки.

Игра в бабки уже была народным развлечением в древней Греции. Упоминание о ней можно обнаружить даже в «Илиаде» Гомера: во сне к Ахиллу приходит его друг Патрокл и напоминает, как некогда во время игры в бабки случайно убил человека («В день злополучный, когда, маломысленный, я ненарочно // Амфидамасова сына убил, за лодыги поспорясь». — «Илиада», Песнь 23, ст. 87—88). Во время игры следовало как можно сильнее подбросить свою бабку вверх и, пока она не упала, делая предписанные движения, собрать с земли максимальное число лежащих на ней чужих бабок.

В прежние годы в деревне дети обнаруживали на чердаках и в подвалах множество совершенно неожиданных вещей: узлы старой или вышедшей из моды одежды, ломаную кухонную и хозяйственную утварь... Они делали все это объектами своих развлечений. Мастерили себе игрушки. Известный бретонский писатель Элиас Пьер-Жакез вспоминает, что в юные

годы колдовал над старой ломаной швейной машинкой, заставляя ее вращать сверло, и над консервными банками, которые он и его сверстники прилаживали к обуви, чтобы двигаться, как на котурнах. В начале XX века малыши могли разжиться массой дешевых безделушек, вагончиков, тележек, грузовичков, которые местные умельцы делали из подобранных бросовых кусочков дерева и жести. Ремесленники покупали у тряпичников металлические коробки, отжигали их, выплавляя и собирая припой, затем делали из них плоские листы, годные для дальнейшего использования в собственном промысле.

Ныне этим видом творчества занимаются только дети и ремесленники в бедных странах, с необычайной точностью копируя формы грузовиков, гоночных машин или поездов-кукушек, составленных из подручных материалов. Постепенно промышленно изготовленные предметы заменяют изделия природного происхождения. Излюбленными поделочными материалами сделались проволока, пластиковая бутылка, железная либо алюминиевая коробка. Иногда кое-что из этих компонентов заменяется стерженьками из бамбука, сушеной тыквой или волокнами пальмы.

В Африке, в Южной Америке, на островах Зеленого Мыса путники подмечают игрушечные машинки и тележки из консервных банок или железных емкостей, где ранее хранились инсектициды. Они поблескивают игривой расцветкой, их колесики вырезаны из старых подошв. Путешественники наблюдают, как пытаются взлететь самолетика с пропеллерами из пластиковых бутылок или бабочки с крылышками из фольги. Над бронемашинками торчат пружинки из шариковых авторучек в качестве антенн. Гремящие всеми сочленениями поезда и грузовики с прицепами состояются из нескольких металлических коробочек. С помощью подобных машинок, прицепленных за веревочку или железный прут, дети играют «в гараж», «в гонки», «в ралли», «в аварию», «в сдачу на водительские права».

После уроков дети собираются и вместе мастерят себе игрушки. Самые способные из них делают это ремесло полезным для своей будущей профессии, приобретая некоторые технические навыки при выборе материалов с точки зрения их долговечности, гибкости или твердости, чтобы позже трансформировать их в амортизационные прокладки, ветровые стекла, кожухи, оси, коленчатые валы, рулевые колеса или рычаги переключения скорости. Они учатся распрямлять проволоку, плющить и резать железные коробки, нарезать ремни из старых камер от велосипедных и автомобильных колес для ремонта новых.

А еще они изготавливают барабаны, бубны, цитры и более примитивные струнные музыкальные инструменты. Африканские дети от природы — одаренные перкуссионисты. Они отбивают песенный и танцевальный ритм, хлопывая по самодельным тамтамам: бидонам и тыквам. Девочки часто укачивают или носят на спине игрушечных младенцев из тряпок, кукурузной соломы, бутылок, деревянных ложек, куриных или бараньих костей. Этих кукол таскают в плетеных заплечных корзинах или просто прихватив за набедренные повязки, укрепленные у них на талии. Подручные в торговых лавках плющат бутылочные крышки, делая из них разменную монету. В Бразилии или в Китае дети и взрослые склеивают воздушных змеев из папиросной бумаги, газет, конфетных фантиков и кусочков пластика. Бразильские разноцветные змеипопугаи участвуют в состязаниях и конкурсах, выделявая хитроумные фигуры над головами восхищенных зрителей.

Одна из самых знаменитых историй игровой трансформации отходов связана с «фризби»: летающим диском. Все началось более века назад в Бриджпорте (штат Коннектикут), где «Фризби пай компани» производила круглые пироги. По желанию Уильяма Фризби, патрона фирмы, пироги продавались в тех круглых поддонах-формочках, в которых и выпекались. Этот товар

пошел на расхват в Йельском университете, когда один из студентов открыл, что такой поддон, будучи запущен сильным и резким движением запястья, плавно планирует, чуть подрагивая в воздухе. Весь университетский кампус увлекся запуском этих поддонов. А чтобы никого ненароком не поранить, бросающий обычно предупреждал прохожих, громко выкрикивая: «Фризби!» Много позже, уже после Второй мировой войны, Фредерик Мориссон на волне всеобщего интереса к космосу и летающим тарелкам возобновил подобную забаву, но уже с дисками из пластика. Он вовлек в свой проект промышленных производителей и выпустил изделие, названное «Тарелка с Плутона», но особого успеха не добился, пока не вернул своей игрушке ее первоначальное наименование. С тех пор тарелка «фризби» (или «фрисби») завоевала почти весь мир.

А вот в зажиточных странах дети, заваленные красивыми и нередко хитроумно устроенными игрушками, попользовавшись ими, зачастую просто-напросто их выбрасывают ради новых, более завлекательных, каковые тоже им вскорости наскучат. Но иногда и им, подобно их маленьким собратьям из третьего мира, случается испытать счастье самостоятельного изобретательства, терпеливого прилаживания и гордости от того, как ожила брошенная кем-то вещь.